

УДК 398.21
ББК 82.3

Мурадгелди Соегов,
*доктор филологических наук, профессор,
действительный член (академик)
Академии наук Туркменистана,
Национальный институт рукописей АН Туркменистана
msoyegov@gmail.com*

ОБ ИСТОКАХ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА СТАРУХ-ЗЛОДЕЕК НА ФОНЕ ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКИХ БАХШИ-СКАЗИТЕЛЕЙ

В статье предпринята попытка связать истоки возникновения фольклорных образов старух-злодеек с доисторической эпохой, когда в первобытном обществе происходила замена матриархата на патриархат, и люди при помощи своих жрецов-камов стали демонизировать прежних женских божеств (богинь). Эти образы в последующем перешли в произведения фольклора, в частности в сказки и героические эпосы.

Ключевые слова: амазонки, женские божества, кам-сказитель, демонизировать, бахши-сказитель, эпос, сказка, фольклорный образ

Амазонки, о которых имеются сведения в трудах Геродота (в связи с савроматами) и других античных авторов, очевидно, были женщинами, не принявшими патриархат как таковой и создавшими свои сравнительно долговечные и жизнеспособные общины без участия мужчин. У Геродота, в частности, читаем: «скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллински означает «мужеубийцы»; «эор» ведь значит муж, а «пата» – убивать» [3, 214]. Можно без всякого сомнения утверждать, что скифское слово «эор» – это несколько искаженное древними греками тюркское имя существительное «эр» ‘муж’, ‘мужчина’; тем более в современном туркменском языке его начальный гласный звук произносится долго [ээ], то есть «эр» [ээр] ‘в том же значении’. Ср. еще: туркм. «эркек» ‘мужчина’, ‘самец’. Что касается глагола «пата» ‘убивать’, скорее всего, он тоже является тюркским, а именно многозначным глаголом «бат» ‘утонуть’; ‘погружаться’; ‘разориться’; ‘исчезать’, использованным в сакральном значении: туркм. Гүн батды ‘Солнце зашло (село, исчезло)’. Ай батды ‘Луна зашла (села, исчезла)’. Ср.: туркм. гүнбатар ‘запад’. Таким образом, скифское (древнетюркское) название амазонок «эорпата» первоначально

выглядело как «эр [ээр] батды». Не исключено, что второй компонент скифского словосочетания «эор(+)пата» этимологически может быть связан с современным туркменским звукоподражанием «пат», т. е. 'звуком, возникающим при ударе'. После такого попутного, но важного для нашей темы замечания продолжим освещать ниже другие вводные вопросы.

Из существующей справочной литературы узнаем, что патриархат является периодом в первобытнообщинном строе, следующим за матриархатом, характеризующимся господством мужчин в хозяйственных и общественных отношениях. Из этой литературы также явствует, что матриархат представлял собой форму первобытного общества, в которой родовые группы создавались на основе родства по женской линии с господствующим положением в них женщины. В этой связи от себя добавим, что божества для поклонения в матриархате тоже представлялись не богами, а богинями.

Процесс замены матриархата на патриархат происходил постепенно и ускорился по мере возникновения новых, отличных от прежних условий в том далеком обществе, а остатки первого сохранялись во втором долго, некоторые из них, можно предположить, дошли и до наших дней в обществах африканских туземцев, а также в новом качестве возобновились в западных обществах.

Пережитки матриархата с началом перехода к полному господству патриархата стали препятствием для дальнейшего прогресса в тогдашнем общественном развитии. В последующем камы-сказители в своих заклинаниях создавали образы старух-злодеек, описывая их злодеяния, которые они совершали против богатырей-мужчин – героев, создаваемых самими же сказителями новых мифов (эпосов) на основе реальных событий, происходивших уже в период патриархата.

Некоторые замечания о камах и заменивших их в последующем у туркмен-бахши. Согласно древнему поверью, камы у современных алтайцев, тувинцев и некоторых других народов служат проводниками между миром живых и миром мертвых, а также между миром людей и миром природы. От тюркского слова «кам» происходит русскоязычное название основного обряда (камлание), во время которого кам общается с духами. Из этого следует, что наряду именем «кам» существовал производный от него глагол «камла» (кам+ла-), ибо камлание – это обрядовое действие кама, которое осмысливается как путешествие по мирам Вселенной [см.: 1].

По нашему мнению, в отличие от нетюркского термина «шаман», придуманного западными учеными и используемого в исследованиях по шаманизму, термин «кам» является по своей

сущности термином древнего тенгризма (тенгрианства) – первичной религии народов Евразии [см.: 7]. Шаманизм возник в пределах тенгризма как его внутренняя разновидность, занимающаяся врачеванием с использованием основных законов и категорий этой религии. Со временем шаманизм стал занимать ведущее положение в жизни ряда народов, особенно у тех, которые в отдельные периоды своей истории по тем или иным причинам (климатическим, гигиеническим и т. п.) подвергались в повседневной жизни опасности заболеть разными болезнями, в том числе психическими.

Первая достоверная письменная регистрация термина «кам» в указанном выше смысле относится к XI в. и принадлежит Махмуду Кашгарскому. Ученый-энциклопедист пишет о камах в четырех местах своего толкового словаря. Вот одно из них: ‘Кам ырклады’ [10, 443]. ‘Кам исполнял религиозный обряд’. В современном туркменском языке от глагольной основы ыр- (ыр+к+ла+ды) ‘уговаривать на что-либо’, ‘склонять кого-либо на свою сторону’ образовался при помощи аффикса -ым термин «ырым» ‘предзнаменование’, ‘суеверие’. Поэтому древнетюркский памятник манихейского содержания «Ырк битиг» (предположительно IX или X век) переводятся на русский язык как «Книга гаданий» или «Книга предзнаменований» [см.: 6, 195–198]. Когда мы работали над древнетюркскими текстами доисламского периода и перевели эту «Книгу» на современный туркменский язык, ее название передали в виде «Ырымлар китабы» («Книга предзнаменований»).

Небезынтересно будет узнать, что термин «кам» встречается в своем основном значении в стихах великого туркменского поэта-классика Махтумкули Фраги, который жил в XVIII в. и был крупным мусульманским мыслителем. Тем не менее лирический герой поэта-мыслителя ищет утешения для преодоления своих духовных потрясений и недугов именно у кама: ‘Жам-у мей сундугын гөрмесин аяр, / Гелменем аклыма гөрмейин камым’ [9, 40]. ‘Пусть не увидят недруги, как мне наливает (он, т.е. кам) бокал вина (разумения) / Не разумею, пока не увижу кама своего’. Или другой пример из того же сборника стихов: ‘Ики камы тутмагыл, бир яна назар эйле’. ‘Не держись за двумя камами, смотри только в одну сторону (т. е. выбери одного из них)’ <Дословный перевод наш – М. С.>.

Рис. 1. Группа бойцов отряда туркменской милиции на отдыхе после обеда. Среди них боец-бахши (первый справа) с музыкальным инструментом «дутар» в руках. Сидящие в центре курят чилим-кальян, а другие пьют зеленый чай (фоторафия конца XIX века)

Замена в туркменском языке древнего слова «кам» современным термином «бахши» (багшы) происходила, скорее всего, еще до сочинения Махтумкули Фраги, строки из которого мы цитировали. В настоящее время бахши-сказители называются в народе «дессанчы багшы» (от слова «дестан/дастан»), которые рассказывают народные эпические произведения и одновременно исполняют в сопровождении музыки своего дутара (национальный двухструнный инструмент) песни на слова, присутствующие в устном тексте этих произведений. Данное направление искусства бахши получило особенно большое развитие у туркмен-ёмудов и туркмен-човдугов, которые проживают в нынешнем Дашогузском вилайете.

Туркменские бахши, как и древние камы, при исполнении своих песен и рассказов оказывали сильное воздействие на слушателей. Об этом писал венгерский ученый, академик А. Вамбери, путешествовавший по туркменской земле в 1862 г.: «В Этреке кибитка одного из таких трубадуров (т. е. бахши. – М. С.) стояла рядом с нашей, и когда он приходил к нам со своим инструментом, вокруг него вскоре собирались молодые люди, и он пел им героические песни. Его песни состояли из сиплых гортанных звуков, которые мы сочли бы скорее хрипом, чем пением. Он сопровождал их ударами по струнам, сначала тихими, а затем, по мере того как он воодушевлялся, все более

неистовыми. Чем горячее становилась битва, тем более нарастало возбуждение певца и воодушевление молодых слушателей; зрелище в самом деле было романтическое. Юные кочевники, испуская тяжелые стоны, бросали шапки на землю и с неподдельным бешенством хватали себя за волосы, словно хотели сразиться сами с собою. И пусть это не покажется нам странным. Воспитание, получаемое молодым туркменом, как раз на то и направлено, чтобы создать у него подобное настроение» [2, 152].

Рис. 2, 3. Пальван-бахши (1890–1938) (слева), со слов которого в 1937 году было записано 12 дестанов «Гёр-оглы», и Овлякули-бахши Гоч-оглы (1872 (?)–1970) (справа) – певец-исполнитель того же эпоса в национальном костюме (пагталы дон и пындылыяк куртё) и папахетельпек, характерном для туркмен-эрсаринцев

Как отмечает специалист по истории туркменской музыки, профессор Ш. Гуллыев, большая заслуга в становлении и развитии ёмутского стиля бахши принадлежит семейной школе ходжинских бахши. У ее истоков стоял Ходжа-бахши, прославившийся во второй половине XVIII в. как исполнитель эпоса «Гёр-оглы». Традиции этого мастера в XIX и начале XX в. продолжили его потомки: Гоч-бахши (сын), Атаназар-бахши (внук), Ата-бахши (правнук), каждый из которых знал и исполнял около сорока дестанов из «Гёр-оглы» и ряд других дестанов [5]. Самостоятельный стиль выработался у бахши туркмен

(Назар-бахши Хаджимурзаев и др.) Ставропольского края Российской Федерации, которые, кроме народных песен, исполняли еще дестан о национальном поэте-классике Махтумкули (XVIII век).

Рис. 4. Чувал-бахши (Махтумкули Карлиев, 1881–1957) – певец-исполнитель эпоса «Гёр-оглы» (второй слева) в черной национальной папахе «силкме тельпек». В руках держит дутар – двухструнный музыкальный инструмент

Наряду с дессанчы-бахши (‘певец-сказитель’) в XVIII–XIX столетиях среди туркмен широкую популярность получили тирмечи бахши (певец-музыкант), которые исполняли только песни на слова из эпоса о Гёр-оглы и других дестанов, а также на стихи туркменских поэтов-классиков, при этом опуская всю прозаическую часть дестанов.

Со слов Пальван-бахши (1890–1938), сына упомянутого выше Ата-бахши, была осуществлена в 1937 г. запись научным сотрудником тогдашнего Института языка и литературы Ата Чеповым (Чапау) 12 дестанов эпоса «Гёр-оглы», тексты которых с переводом на русский язык усилиями одного из наставников автора настоящих строк в студенческие годы, академика Баймухамеда Аталиевича Каррыева, были изданы отдельной книгой в 1983 г. в знаменитой серии «Эпос народов СССР» (к сожалению, подготовленная к изданию книга вышла уже после смерти уважаемого академика, настигшей его в 1981 году). В дальнейшем при раскрытии основной темы статьи мы будем обращаться к этой книге [4], хотя стоит упомянуть, что неоднократно были изданы в оригинале и другие тексты (в том числе восьмитомное издание в Турции) эпоса «Гёр-оглы», записанные со слов туркменских

бахши-сказителей разных стилей и направлений. В настоящее время эти записи наряду с другими многочисленными и ценными манускриптами бережно хранятся в фондах Национального института рукописей, который является одним из структурных подразделений в системе Академии наук Туркменистана.

В древности при исполнении религиозных обрядов (заклинаний) камы выражали благодарность (алкыш) Богу (Тенгри) и осыпали проклятиями (гаргыш) демонов (ек йигренмек, ек гөрмек). В начальном периоде патриархата камы в образе демонов (ведьм, вампиров и т. п.) представляли бывших опытных и пожилых женщин, руководивших общинами людей, а также бывших богинь (ювха) матриархата. В последующем женские образы из демонологии превратили в образы коварных старух-злодеек (которые, как сами камы-сказители, владели еще и заклинаниями). В этом качестве они вошли в отдельные дестаны эпоса «Гёр-оглы». Так, например, в дестане «Кемпир» («Старуха») читаем (цитируем с выдержками):

«Был в Нишапуре падишах Балы-бек. Созвал он как-то своих приближенных и держал совет. / – Дайте совет, игиды, как быть. Этот ослиный вор, зангар, разбойник тревожит страну!..

У падишаха был старый везир. Призвал он его и спросил совета...

– Какой же твой совет, везир? / – Я дам такой совет, тагсир: говорят, что есть у него конь Гыр-ат, призванный Меджнун-Дяли. Вот и говорят, что стал он знаменитым лишь из-за коня... / – Но как же завладеем мы Гыр-атом, везир?..

В этой крепости жили двое – муж и жена; было им по сто восемьдесят лет. Старика звали дед Ленгер, а жену его – Шахмама-и-Зулман. Называли ее также Хирс-Биби... Отправилась она к падишаху. Приветствовала его и встала, почтительно сложив руки на груди...

– Никто из смертных конем не завладеет, тагсир! Сможет привести его только такая старуха, как я, – искусная в хитростях и заклинаниях. Старуху эту знали все. Везиры тут же подтвердили: «Тагсир, коль суждено смертному привести коня, то это сделает старуха. Нет равного ей в хитрости и заклинаниях, тагсир! Она слышит даже, как иуришит змея под землей».

После этого присоединилась она к каравану, идущему в Гурджистан, и пустилась в путь... Услыхала старуха имя Гёр-оглы из Чандыбия и стала придерживать осла, отставать начала от каравана. Оторвалась от них... сошла с осла, сняла платье и стала ползти задом по земле...

Гёр-оглы и сам поехал проверить караванный путь. Заметив след большого каравана, он поехал, преследуя караван. Недолго ехал

он, как вдруг увидел, что в сторону свернули следы осла. А рядом с этим следом были еще какие-то странные следы. Двинулся он по этим следам. То поднимался в гору, то спускался вниз. Поднялся он на холм и видит: стоит осел, а около него старуха лежит.

Рот у старухи словно очаг, зубы – лопаты, жилы на шее, как каркас кибитки, вся она в складках и морщинах, словно старый кузнечный мех.

– Эй, милая бабушка! Что ты тут делаешь? / – Ехала я в одну страну вместе с караваном, сынок, да не выдюжила, отстала я от каравана, они и бросили меня... Умру я скоро, Похорони меня, сынок, брось одну-две лопаты пуску! / – Эй, милая бабушка! Умереть мы тебе не дадим. Садись-ка на своего осла, я отвезу тебя в крепость» [4, 639–641].

Старуха продолжает притворяться, сказав, что она не в силах даже сесть на своего осла, тогда Гёр-оглы, посадив ее на своего коня Гыр-ат позади себя, привозит в родную крепость Чандыбиль. Несмотря на предупреждения и возражения своей жены-пери Ага-Юнус, которая сразу распознала в старухе неладное, Гёр-оглы оставляет ее жить в соседстве со своими игидами (т. е. йигитами – ‘молодцами’). Спустя несколько дней после этого, старуха тайком начинает приближаться к Гыр-ату, кормить его. Прошло три месяца, и Гыр-ат привык к старухе как к хозяйке. Дальше начинается повествование, как старуха угоняет Гыр-ата:

«Как-то занемог Гёр-оглы, а с ними и игиды его. Болезнь не прошла и в три и в четыре дня. / – Эй, игиды! Позовите ту старуху. Сдается, что разбирается она в знахарстве...

Оказывается, отправляясь в путь, старуху запаслась склянкой сонного зелья и спрятала ее в своей одежде. Этого-то зелья полпиалы налила она и подала Гёр-оглы, потом Овезу и сорока игидам во главе с апар-Косе. Глотнув зелья, каждый валялся без чувств. И вот все уже лежали на полу. Тогда подошла старуха к Ага-Юнус... Поверила Ага-Юнус, выпила зелья и лишилась чувств. Без боязни сняла она с Ага-Юнус золотой султан и нацепила себе на голову, надела на Гыр-ата золоченую сбрую, оседлала его, села на него верхом и подъехала к мейхане. / – Эй, Гёр-оглы! Как говорят: «Взял одно – отдай другое, кто не даст, тому позор» – оставляю тебе осла за коня! – сказала она и направила коня в Нишапур.

О ком теперь рассказ? – О Гёр-оглы. Сонное зелье старухи действовало три дня, Три дня пролежал Гёр-оглы, на четвертый день в чувство пришел. Чай попил, кальян покурил, [приказал]: / – Эй, Мятел! Приведи Гыр-ата. Поедем на охоту, за дичью. Полегче голове.

Прибежал Мятел в конюшню – нет Гыр-ата. Побежал он обратно.

– Ой, Гёр-оглы, Гыр-ата нет. /– А сбруи? /– И сбруи нет.

Как сказал Мятел, что сбруи нет, вспомнил Гёр-оглы предупреждение Ага-юнуса. Непокойно ему стало. / – Поищи, на месте ли старуха.

Пришел тот в коморку старухи, а той и след простыл» [4, 642–643].

Остальная часть дестана «Кемпир» («Старуха») посвящена тому, как Гёр-оглы возвращает своего угнанного старухой коня Гыр-ат из Нишапура домой. В другом дестане под названием «Безирген» содержится рассказ о событиях, связанных с другой старухой-злодейкой:

«Коли описывать старуху, так вот: на спине горб, шея короткая, колени выше ушей торчат – противная рожка, страшилище, нечестивица. Было бы зло, о добре она и не поминала. Звали ее старуха Зейнель. Прискакал Гёр-оглы к ее обиталищу. Привязал коня, поздоровался и вошел в её шалаш. Обменялись они приветствиями. / – Эй, сынок, счастливого пути! / – Даст Бог, да будет он таков! / – Откуда едешь? / – От Безиргена еду. / – Что за дело было у тебя с Безиргеном, сынок? / – Получил я с него пятьсот туманов золотых, побратался с ним.

Как только он сказал об этом, старуха начала щипать себя: / – Сынок, скажи лучше, что закатилось твое счастье, загублено дело твое, погибла твоя страна. / – Что случилось, матушка? / – Коли не одолеешь, сынок, не успокоишься! – сказала та. Взяла свой дутар, сделанный из восемнадцати прялок, положила дутар на старую свою грудь и обратилась к Гёр-оглы [с песней]:

Ненадежно слово нечестных людей, / Придет, страну твою разрушит Безирген. / Слову его доверять нельзя. / Придет, страну твою разрушит Безирген.

В один из дней явился он, / За глаза влюбилась [в него] пери твоя. / Не отпускай его в Гурджистан. Придет, / страну твою разрушит Безирген.

Догоняй его на хрипящем коне, / Судьбу-долю свою затем испытай, / Убей самого, а добро его заberi. / Придет, страну твою разрушит Безирген.

Старухой Зейнель величают меня, / Пусть не достигнет нечестливец радости сердца. / Пусть достигнет [цели] стрела, пусть завопит о пощаде он. / Придет и пери твою заберет Безирген» [4, 754–755].

Гёр-оглы поверил этим словам старухи-злодейки и, догнав Безиргена на полпути к родине, коварно убил его, хотя затем одумался, пожалел о содеянном, похоронил Безиргена, торговца-купца из Гурджистана (Грузии), с почестями, как родного брата; соорудил

над его могилой купол и оказал помощь младшей сестре Безиргена Айсолтан, уничтожив ее врага Кара-хана [см.: 8].

Девушка-воительница, неистовая Харман-Дяли в одноименном дестане из этой серии с целью соревнования с Гёр-оглы отправляет за ним с приглашением старуху-волшебницу, которая выбирает для себя в далекий путь коня-турпара:

«Старуха пришла в табун, прочла заклинание и осмотрелась. Видит: тулпар ходит. Прочла молитву «исми-агзам», [шепотку] земли кинула – тулпар к ней и прибежал, Села она на тулпар и предстала перед Харман-Дяли. Как следует оседлала она коня, сама принарядилась, легкое покрывала покинула на лицо и поскакала по направлению к Чандибилу, Тулпара ведь сами знаете: путь в пять-шесть месяцев он преодолевает за пять-шесть дней. Ехала [старуха] и подъехала к Чардыбилю» [4, 700].

Рис. 5, 6. Иллюстрации из сборника сказок «Проданный сон»

Сказитель Пальван-бахши не сгущал краски в отношении этой старухи, хотя в вариантах других сказителей-бахши из Дашогуского вилайета она выглядит ужасной.

В противовес злым старухам в эпосе о Гёр-оглы созданы положительные образы стариков-мужчин: в этом плане показательным является идеальный образ Джигали-бека – деда самого Гёр-оглы, а также эпизодические образы пожилых мужчин, услугами которых пользуется главный герой эпоса при совершении разных достойных его поступков*.

В образной системе туркменских волшебных (фантастических) сказок присутствует персонаж Ялмавуз-кемпир (Старуха-ненасытная), имя которой образовано от глагола «ялма» ‘жрать все подряд’, ‘глотать все, что попадает’. Она сравнима с Ювдарха (от глагола «ювут» ‘глотать’) – другим туркменским фольклорным персонажем этого порядка. Образ Ялмавуз-кемпир аналогичен образам Жалмауыз-кемпир в казахском и Желмогуз-кемпир в киргизском фольклоре. Это демоническое существо является промежуточным звеном при переходе от более древних образов к образам старух-злодеек в эпосе «Гёр-оглы».

Доказано, что великий русский поэт А. С. Пушкин при создании своих произведений-сказок использовал сюжеты сказок, рассказанных ему в детстве его няней Ариной Родионовной. Она в свою очередь эти сказки услышала когда-то от своих соседей-татар. Следовательно, известная пушкинская старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке» имеет общие корни с образами, охарактеризованными нами в данной статье. По нашему мнению, это утверждение можно отнести и к этимологии образа Бабы-Яги из русского фольклора.

*** ПРИМЕЧАНИЕ:**

Некоторые положения из этой статьи были ранее изложены в докладе автора по теме «Превосходный национальный героический эпос и его международное распространение», с которым он выступил на пленарном заседании Международной научной конференции «Роль и значение эпоса «Гёр-оглы» в мировой культуре», проходившей 2–4 ноября 2016 года в Ашхабаде (Туркменистан) и приуроченной к годовщине принятия в 2015 году решения Комитета ЮНЕСКО о включении эпоса «Гёр-оглы» в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. На торжественном заседании, посвященном открытию конференции, наряду с автором настоящих строк со своими докладами также выступили Эстер Куиш Ларош (Esther Kuisch Laroche) – директор

и представитель кластерного офиса ЮНЕСКО в Тегеране (Иран), Тариель Мамедов (Азербайджан), Анна Кафрез (Бельгия) и Терада Ёшитака (Япония).

Литература

1. Анохин, А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии / А. В. Анохин (Представлено в заседании Ист.-филол. отд. Акад. наук 16 янв. 1913 г.). С предисл. С. Е. Малова / А. Н. Анохин. – Л.: Рос. акад. наук, 1924. – [4]+VIII+248+IV с. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994.
2. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии [Электронный ресурс] / А. Вамбери. – М.: «Восточная литература». 2003. – 193 с. – Режим доступа: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/97/396/>
3. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского / Геродот. – Л.: Наука, 1972. – 561 с.
4. Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. Сост. тома, автор исследования, комментарии и пояснительного словаря Б. А. Каррыев. Перевод Б. А. Каррыева при участии Е. А. Поцелуевского. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. – 805 с.
5. Гуллыев, Ш. Туркменская музыка (наследие). Автореферат докторской диссертации по искусствоведению, специальность ВАК РФ 17.00.02. [Электронный ресурс] / Ш. Гуллыев. – Ташкент, 1998. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/turkmenskaya-muzyka-nasledie#ixzz4Hvet7UEN>
6. Кляшторный, С. Г. Манихейский мотив в древнетюркской «Книге предзнаменований» / С. Г. Кляшторный // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 195–198.
7. Соегов, М. Древний тенгризм: исчез навсегда или продолжает свое существование в виде «народного ислама» и в других формах [Электронный ресурс] / М. Соегов // Материалы заочных участников конференции II Международной очно-заочной научно-практической конференции «Религиоведческое измерение современности: философия и социология религии» (2–3 июня 2016 г.). – Саратов, 2016. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/.../eid3579_attach_3ba225a0d3d2025058c5e87c247767416f4f010c.pdf
8. Соегов, М. Образы грузина Безиргена и его сестры Айсолтан в туркменском эпосе «Гёр-оглы»: обострение чувства вины у главного

героя [Электронный ресурс] / М. Соегов // Международный научный симпозиум «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». – Тбилиси, 18–21 апреля 2012 года. – Режим доступа: https://www.tsu.edu.ge/data/file_db/news/azerb2.pdf

9. Магтымгулы. Шыгырлар. Үч томлук. I том. – Ашгабат: «Түркменистан» неширяты, 1992. – 320 с.

10. Divanü Lügat-it-Türk. III cilt. Çeviren Besim Atalay. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1986. – 452 s.

**ABOUT SOURCES OF THE FOLKLORE IMAGE
OF OLD WOMEN-VILLAINS AGAINST THE BACKGROUND OF
THE HISTORY OF TURKMEN BAHSHI-STORYTELLERS**

Muradgeldi Soyegov

Abstract

The article attempts to connect the sources of appearance of the folklore images of Old Women-Villains with a prehistoric epoch, when a replacement of matriarchy by patriarchy took place in a primitive society, and people began to demonize former female deities (goddesses) with the help of their priests. Subsequently these images passed into folklore, in particular, fairy tales and heroic eposes.

Key words: Amazons, female deities, the Kam-Storyteller, demonize, the Bahshi-Storyteller, the epos, a fairy tale, a folklore image